

ПИСЬМА НИКОЛАЯ РЕРИХА В ДАЛАЙ ПХОБРАНГ (1924)

1

22 сентября 1924

Едем хорошо. Не помню, куда положены четки от брата Далай-ламы. Если вспомнишь, черкни в Калькутту. Стоим в городе Курсеонге. Крепко целуем.

2

23 сентября

Когда уезжаешь, все кажется, что что-то не сказал, а между тем, оставалось повторить: «Будьте спокойны, постараемся сделать все возможно лучше». Если все пойдет так, как этот переезд, то все отлично. В Силигури уже тепло, и хочется быть без теплого одеяния. Так немного лучше Флоренции, но фаны* все облегчают. Вещи дошли. Мартин смотрит волком, но все делает вовремя. Сейчас 8 часов утра. Через полтора [часа] поедем по делам. Всю дорогу думал, как-то в Хиллсайде**!

Целуем крепко.

4 часа. Хотя и жарко, но пока все идет отлично. Американский консул Дженкинс говорит по-русски и думает быть в Дарджилинге в октябре. Любит все русское. Думаем — еврей. Немец взял бумаги — завтра даст ответ.

Из Марселя Кук приготовил японский пароход. Каюта в две комнаты. Отходит 28 декабря.

Завтра у нас завтракает американский консул.

24-е, утро. Главное, что впечатление [от] индусов лучше, нежели было зимою. Между прочим, мы решили подписать триста рупий Боше Сену [1] в фонд его научных исследований. Все-таки он лучше других как корреспондент, и чем-то ему надо помочь. Сегодня он [выступал с лекцией] в Миссии Рамакришны.

Хиллсайд это рай. И дождь все-таки лучше жары. Консул ехал летом из Бомбея в Калькутту и думал, что умрет. Только по сравнению можно понять, в каком раю мы жили и что нам дано. Думал в семь часов — как-то Масик*** лежит, и посылал *все*, что мог послать.

Прямо изумительно, как все идет. Визы готовы. Немецкая дана в полчаса. Американцы сами пишут и заполняют бланки. Американский консул против евреев — имейте это в виду. Получили письма от вас. Особенно характерно, что Гаррет

* вентиляторы (англ.)

** Название дома, в котором Рерихи жили в Дарджилинге. Тибетцы называли его Далай Пхобранг — Дворец Далай-ламы.

*** Елена Ивановна Рерих

хочет продать мою вещь. Узнаем благородную руку Бакста. Сейчас заплатил 1300 долларов за билеты. Доллар меняют по 301,5 — ужасно низко. Сегодня не так жарко. Завтра еще припишу. От Яруи [2] опять ничего!

Поздно вечером были в Миссии Рамакришны. Не знаю, как днем, но вечером место очень симпатично. Из вашего письма не видно, что вам было сказано в понедельник. Ведь 2400 долларов как раз оплатят... замечательно, как все [идет хорошо].

3

«24 сентября. Уважаемый сэръ, я была нездорова вчера, когда вы приходили, и поэтому я не смогла увидеться с вами. Не смогли бы вы прийти сегодня от 2 до 4 часов дня. В 4 часа у меня назначена встреча. Если это время не устроит вас, я могу увидеться с вами сегодня утром в 11. Буду благодарна за ответ.

Искренне Ваша, *Александра Дэвид-Ниль*» [3].

Письмо пришедшей из Тибета. Тип интересный. Обещала писать статьи и послать Юше*. Называет царя Шамбалы «King Guesar of Link» (Гесер, царь Линкский). Все в Тибете знают. Ждут из Сибири. По пророчествам все Его сотрудники уже перевоплотились. Она везет собрания Музею Гимэ и будет там хранителем.

Пришло письмо. Как радостно, что Указания так светлы. Здесь мы встретили Владимирова. Его отец теперь директор Горного института в Санкт-Петербурге. *Это не лишено значения*. Иногда кажется, что все пройдет так просто. И тогда волна сложности отхлывивает. Разве не важно слышать голоса из Тибета о близких сроках?! Я рад, что удалось застать эту даму. Уже три дня проходит — Бог даст, найдем все, что должны найти. Сейчас едем в Бомбей.

Целуем.

4

[25 сентября]

Если поездка будет так же удачна, как начало, то это истинно — дар на пользу будущего. Неэль еще говорила, что, по предсказанию, перед *приходом* Таши-лама уедет из своего монастыря, чтобы вернуться с Гесером.

В шкафу, в спальней, были два номера «Искусства и археологии». Пошлите их Артуру Рою по адресу Форварда с письмом от моего имени, что он может статьи Кауна, Кейхла и Грант перепечатать. Он хороший человек.

Замечательное лицо у жены Рамакришны. Боше Сен ее очень чтит. Он тоже отличный человек.

Очень трясет поезд. Пишите получаемые messag`и (послания).

Нашему Белому было дано 80 + 130 + 90 рупий, он даст вам отчет.

В поезде народу очень мало — всего восемь человек едут. Жарко. Еще раз понимаем, какой рай Хиллсайд. Владимирова мы показали приветливость, ибо должность его отца более чем полезна «Белухе»**. Консул предупредил, что, может быть, за танки придется платить изрядную пошлину во Франции, если их не запечатать для транзита. Увидим, как лучше.

Целуем крепко.

Ящик с подрамниками пропал. Верните стоимость.

* Юрий Николаевич Рерих

** Акционерное общество «Белуха» (1924), созданное для разработки серебряных руд.

5

[26 сентября]

Подъезжаем к Бомбею. Стало прохладнее. Большие дожди были. Прочтите весь номер посылаемого журнала. Там есть упоминание: Алтай — Монголия. Неожиданно.

Через час подъезжаем. Целуем. Приложим все силы сделать лучше.

6

28 сентября

Второй день едем по тихому серому «озеру». Можно удивляться, чтобы и с консулами, и с переездом, и с пароходом все было так гладко. В первом классе всего 40 человек вместо 265 обычных. Светик* пожелал обедать внизу — в нашей каюте. Публика ему не нравится. Всё почтмейстеры, чиновники и две французские мелкие портнихи. Это всё. Весь дек «Б» почти пуст. Еще хорошо, что Индия Светке больше понравилась. Как вам нравится наводнение в Питере, равное наводнению 1824-го?! А соглашение Маньчжурии с Россией? Всюду идет напряженная работа. Встреча с сыном директора Горного института тоже показалась мне знаменательной. Неужели все нити легко попадут в иголки? Ведь истинно выйдет шире широкого шейте. Одно плохо: теперь до Нью-Йорка не узнаем, что у вас Сказано? Что у вас видно?

Светик серьезно принял Указания о Чикаго. Разве не поразительно, как у него дела оформились в последний день. В Калькутте он собрал цены на масла и думает, что цены Европы и Америки гораздо выше. Вынули цветы — в каюте теперь пахнет, как в нашей спальне. С Белым послана тинктура валерьяны из Калькутты. Кажется, она сильнее, нежели в Дарджилинге. Воздух на море хорош. Не жарче, чем когда мы ехали в тех же местах. Пока неслыханно удачный переезд. Но и в Дарджилинге хорошо! Набирайтесь осеннего воздуха.

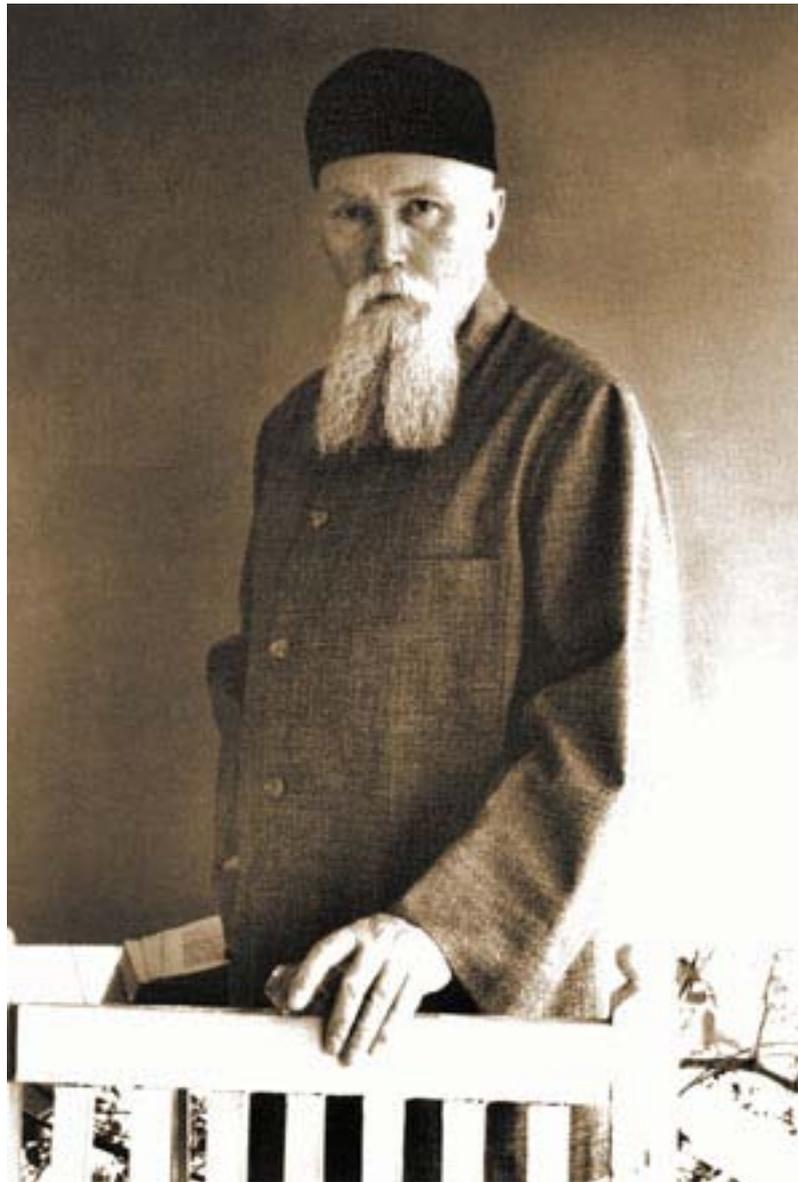
7

29 сентября, понедельник

Утро свежее. Холоднее, нежели когда ехали в Индию. С утра почему-то почернела половина кольца. Светик уверяет, что это от воды. Но почему одна нижняя половина? Спали хорошо. Светик уверяет, что во сне я говорил о необходимости кормить мышей сахаром. Сегодня первый раз Светик опять был груб. Из-за моего нежелания таскаться по пыли Адена. Но когда столько надо сделать, то этот эпизод с Аденом кажется ничтожным. Будет ли на наших сапогах аденская пыль или нет — не все ли равно?

Вчера к вечеру начал читать твою рукопись. Когда опять видишь всю эту схему огромного завоевания духа, то опять поражаешься шириною данных задач. И все это здесь, на земле, именно в пределах рук человеческих. Только бы суметь принять. И еще поражает в чтении — этот неожиданный подход. Точно наблюдаешь явление, летая со всех сторон на аэроплане. И эти подходы, то от высоких преданий, то от практических указаний жизни, — они дают такую многоцветную грань. А эти дополнения из указанных сторон, вроде этой пришедшей дамы?! Она

* Святослав Николаевич Рерих

РЕРИХ
Николай Константинович

говорит, что считала невозможным сказанием отъезд Таши-ламы. Но вот и это уже пришло. Слышал ли Юрик это имя — Guesar of Link (или Ling)? Странное слово Guesar! Сейчас опять буду читать записи.

Море совсем покойно. Вечером — звезды.

8

30 сентября

Завтра доберемся до Адена. Наш стюард (фамилия его Виздом) уверяет, что никогда не запомнит такого прохладного переезда между Бомбеем и Аденом. А вдруг все сложится так же просто и удачно?! Не думаю и все-таки жду битв. Но все бывшее до сих пор так неожиданно легко выходит.

Море слегка синее — изредка белые гребешки. Не услышим ли шум орудий около Мекки? Там теперь бой идет. Сегодня в телеграммах: Буденный ранен, и что-то очень неясное в Китае. Одно плохо: не знаем, что у вас делается. Что Сказано и что Слышано? Когда читаешь записи — весь план так широк, так много деталей для рук человеческих. Вчера вы уже имели вторую почту без нас. Многое мы узнаем лишь в Америке, то есть более чем через три недели.

Звезды яркие, но Ориона еще не могли найти. Может быть, он выходит позднее, а мы в начале десятого уже ложимся. Светик перенес всю еду в каюту, и даже дневной чай. Так как едущих так мало, то наш Виздом очень около нас хлопочет. Но еда невкусная. Скоро пойдем мимо Кория Мориа.

Я просил Боше Сена сохранить связь с пришедшей из Тибета. Она везет 400 тибетских книг. Все малоизвестные. Танджуром и Канджуром она не интересуется, ибо, говорит, они всем известны. У нее есть еще непрочитанная рукопись о Шамбале. Сперва она нас приняла за чиновников, но потом пошло лучше.

Всё представляем себе, что вы там делаете? Если дождь кончился — запасайтесь воздухом и покоем. Целуем. Светик сегодня — мил. Если встретите, запишите для меня индусские и буддийские легенды — для сюжетов картин.

9

1 октября

Скоро подойдем к Адену. Стало теплее, но зато море стало еще глаже. В дымке шли перед нами розовые берега. Прочел письма Мастеров. Какая борьба шла и тогда, и как мало было людей надежных вокруг. И все те же жизненные принципы проталкивались. И как понятно, что Учителя совершенно изменили тактику.

Ходим со Светой по пустой палубе, думаем о вас. Думаем, как бы убрать лишних врагов в Америке. Ведь там уже новые формации: Анисфельд плюс Алекс. Шуберт! Даже как-то противоестественно. И все волны идут: то совсем просто, то сложно до беспредельности. И какие-такие новые встречи будут? Решили к Тенишевой не ездить — ей мало радости, а еще кого-нибудь встретишь там. Придем в Марсель в пятницу утром. Значит, суббота не пропадет для Парижа. Можно телеграфировать Cook Place Madeleine для нас — там нам придется быть сейчас же. Как хочется знать, как вы там живете?

Крепко, крепко целуем.

Рерих

Американский консул считает Чарльза и Джона Крейнов дураками.

10

[2 октября], четверг

Прошли Аден. С нашей стороны солнце! Хотели менять каюту, но ведь Масик жил в этой.

Вчера мой спутник *вдруг* вышел из себя (под вечер) и наговорил Бог знает что, что мы с тобой ни ему, ни Юше никакого дела не уделяем. Ложась спать, уже спрашивал — «что это, дедушка, у тебя вид кислый», а сегодня, как дрозд, уже ничего не помнит.

Море опять совсем тихо. Завтра будет половина пути. Много мыслей в голове, но стараюсь их не углублять. Сами дела покажут, как лучше их двинуть.

Как же вы там живете? Надеемся в Порт-Саиде иметь вашу депешу.

11

[3 октября], пятница

Сегодня был любопытный разговор, напомнивший *обед*, который Юрик имел в Дарджилинге. Очень настойчиво подсел старый служащий на пароходе и задал ряд вопросов. Например: «из самой ли высокой аристократии русской мы?», или «знаем ли мы следующих индусов» (были названы политические имена), или «как Троцкий теперь поживает» и т.п. Но конечно, я говорил так, что вся наша безобидность была ясна. Знал он Денисона Росса, а потом как-то странно выяснилось, что мой собеседник служит в Индия Офис. Хуже всего то, что наш Хрюсик меня страшно ругал после этого. Даже скучно будет, если руготня станет ежедневной. Ведь понимает же он, что я уже не совсем глуп и имею на все причины. И если это был не самый высокий служащий парохода, то и с ним надо проявлять приветливость, если он хочет говорить. Наш Хрюсик все не может понять, что своими выпадами он лишь от себя что-то отнимает.

Завтра к ночи или в воскресенье утром придем в Суэц. Вывешено объявление, предупреждающее о холодной погоде после Порт-Саида. Опять теплее одеться надо. Только суметь все дела в Америке сделать как можно лучше.

Как же? Как вы живете?

12

[4 октября], суббота

Завтра утром — в Суэце. Сегодня у нас все по-хорошему. Погода опять отличная. Теплота завтра уже будет кончаться. В газетах — известия. 1) Среди убитых кабиллов найдены русские и немцы. 2) Англия снабдила кабиллов полевыми телефонами, а французы — провиантом. Так Европа делается самоедом. 3) В Ховилле во Франции введена мода носить кольца в носу. Есть и снимки с этих одичалых барынь. 4) У вас в газетах уже было, вероятно, что испанцы опять терпят большие потери.

Прислали ли вам путеводитель по Кашмиру? Если нет — потребуйте. Пожалуйста, записывайте все буддийские, среднеазиатские и кашмирские сюжеты, которые могут мне пригодиться.

Вчера в Посланиях Павла нашел, что люди названы родителями существ. Это напомнило беседу о стихийных духах. В другом месте женщины названы наследницами будущей жизни. Всегда какие-то новые подробности находят. Сейчас читаю седьмую тетрадь твоих записей.

Н.К. Рерих. Выше, чем горы. 1924

Сегодня стюард говорил, что декабрь и январь — два самых холодных месяца для Красного моря. Вот уже две недели, как мы в пути. Так 14 дней и вычеркни. Как же? Как вы там живете? А мы все о вас думаем!

13

[5 октября], воскресенье

Сейчас подходим к Суэцу. Опять свежее. Ветер с носа. Наконец пассажиры не выдержали нашей молчаливости и сами начали подходить. Едет старушка (друг жены Спунера) — жена разорившегося председателя Alliance Bank'a в Симле — едет в Лилль, на могилу сына. Едет испанец, профессор истории философии — но разговор его примитивен. Едет индус-биолог. Дал Светке читать книгу Бхагаван Даса об эмоциях. Неплохо, но все это давно известно, хотя книга издана в Адьере в 1924 году.

Так хотелось бы уже получить что-либо от вас. Опять нашел в Евангелии массу интересных скрытых намеков. Светка — в мире.

14

[6 октября], понедельник

Сегодня рано утром прошли Порт-Саид. Конечно, были на берегу. Купили трех фальшивых скарабеев и золотую цепочку (за 1 фунт) — для Нару [4]. Все турки

приветствуют: «Русский карош!», «Карош русский!» — и широко улыбаются. Из газет узнали, что Балиев в Париже, а Шаляпину в Париже сделали горловую операцию. Стало еще свежее. Перед нами прошла большая буря, но теперь море еще спокойнее, нежели было, как туда ехали.

В 6 часов утра подали вашу телеграмму. Конечно, все и должно быть хорошо, и будет хорошо. Но какие подробности настроений? У меня бродят обрывки мыслей, как сказать в Париже или в Берлине. По газетам судя, все очень сложно кругом, и как все дела сделать и просто, и полезно? Получили ли вы «Теософист»? Исправили ли там клише? Побаиваемся, как пройдет французская таможня. Пока все идет неслыханно гладко.

Светка сегодня весь день болтает с индусами. И играет в шахматы.

15

[7 октября], вторник

Прошли Крит. Опять розовые скалы. Море опять спокойное. Остается два дня. Светик очень мил. У меня что-то заболела немного спина ниже пояса — верно, нерв нажал. Сегодня возьму ванну теплее. Уже прохладно, и можно быть в обычном сером костюме. Но море спокойнее, нежели когда мы туда ехали.

Еще читал Записи и Евангелие. У Луки изумительно сказано, что Христос — сын Енохов, Адамов и Божий. Испанский профессор философии сегодня говорил, что Христос был коммунист. Он очень почитает все русское и говорит, что Россия приближается к истинному пониманию Евангелия. Светику уже надоели все спутники. Индусы едущие оказались очень неумными, а А. — те просто купцы. Француз оказался Розенталь из Владикавказа!

Вот если бы нам услышать, что у вас делается? Не заметили ли — мои письма приходят вскрытыми или нет?

Испанец думает, что Кория Мориа — это испорченное греческое «*Полный Господь (или Господин)*», но, пожалуй, это старше греческого. Думаем, как бы на таможне нас не затруднили. Отчего Орион мы не можем найти? Или луна мешает?

16

[8 октября], среда

Море, как озеро Лаго-Маджоре, даже трудно представить, чтобы здесь могли бы быть бури, а ведь это место подвержено часто волнению. К вечеру пойдем мимо Мессины, а к ночи будет опять «грозящий палец» — Стромболи.

В телеграммах сегодня — новая победа Чжанзолина и новое отступление испанцев. Всюду идет напряженное движение. Мы уже примеряем, как разложим наши вещицы. Неужели танки запечатают, и их придется фотографировать в Америке?

В спине чувствителен какой-то нерв, но вчера я положил бомбанге — и лучше. Света в мирном настроении и меня не обижает. Часто думаем и говорим о вас. И понимаем, что Хиллсайд (когда горы открыты) — чудное место.

Мы видели пустыню между Суэцем и Порт-Саидом — пожалуй, пески Аравии строже. Ведь до Америки ничего от вас не получим. *Сидеть* мы не пробовали, ибо настроение Светы было неустойчивое. Теперь оно лучше.

17

[9 октября], четверг

Завтра в восемь утра придем в Марсель. Море — как тихое озеро. Света очень мил сегодня. Убираем вещи. Это будет неприятный переезд в дневном поезде, 13 часов, через всю Францию. Теперь уже 6 часов разницы с вами. Когда мы пили чай в 8 часов, то вспоминали, что у вас уже 2 и вы после завтрака беседуете. Только бы суметь сделать все так, как нужно. Запомнил крепко, как ты слышала о приветливости. Завтра найдем письма из Америки и вашу телеграмму. Так и будем стараться — так, как нужно. Плыдем!

18

[10 октября], пятница

Уже из Марселя! Доехали чудесно — в таможене ничего не смотрели. Посылаю письмо Логвана [5]. Истинно, лишь Учитель мог послать Келлога и послать платежи за картины, чтобы поднять настроение и показать, как дела могут идти. Неужели так же легко сделается все остальное. Лишь бы у вас там все было ладно. Как вода перед Марселем стала подобна зеркалу, так и все прочие волны должны улечься. Жаль, что Яруя проморгал Америкен Экспресс — верно, вовремя не шевелился достаточно. Я прямо поражен присылкой Келлога — ведь это отличное начало во всех отношениях. И мою вещь хочет купить. Не он ли после купит все тибетские картины?

Так хочется, чтобы у вас все было хорошо. А мы будем стараться как можно лучше. Спешу отправить. В субботу в 8 часов — в Париже.

Целуем крепко!

19

11 октября, суббота, вечер

Я лютых уничтожу. Чую, можно покойно плыть. Явление ищите на корабле. (Получено с большим трудом, ибо стол очень неудобен).

20

[12 октября], воскресенье

Приехали в субботу утром. Нашли комнату с трудностями, ибо всё переполнено. Цены все значительно возросли, и скоро разница будет невелика с другими валютами. Всё та же сумятица — прямо жалко этих толкущихся людей.

Заказали костюмы (800 франков), пальто (1000), смокинг (1000). Мой спутник любит все подороже. Была портниха и взялась сделать платье к четвергу. Очень восторженно о Масике говорила — и сказала, что для тебя все готова сделать.

Назавтра с утра масса дела — видимо, все дни будут забиты. И опять эти толпы в магазинах. У Гейтнера были, но его не застали. Сейчас едем к Шкляверам [6]. Посылаю русские газеты и телеграмму Яруи — опять так длинно и неделовито пишет. Видел Санина издалека, жалею, что не остановился, — не знаю, откуда достать больше сведений.

Понедельник, утро

У Шкляверов все то же самое. Банк идет плохо. Мускус не продан. Гулевич носит по отелям белье — продает. Лерхе ходит оборванцем. Словом, то, что нам

дано, — это прямо царский дар. Вечером был у Ремизовых. Масик, как всегда, прав, говоря, что на них не надо нападать. По-своему *они трогательны*. Имеют сведения о многих чудесах, видимых в России сейчас. Бенуа живет в Версале. Приезжает Петров-Водкин в Париж. Пеллио [7] ждет успеха от Юшиной книги [8]. Сейчас едем по бесчисленным делам. 40 долларов я послал Степе. Теперь я дошлю чек на \$60 — вчера получили твою депешу о посылке 100.

Очень знаменательно сообщение Оссендовского. Что-то знает!

Целуем крепко.

21

[16 октября], четверг

Масик, родной мой,

В субботу отплываем. Прошли тут через всю суматоху. Конечно, все *касающееся нас* идет ладно. Русская колония в полном развале. Тяжело видеть их. *До чего много нам-то дано*. Ремизов написал чудную книгу о Матери Света. Надо ее издать. Там же о Черном *клятвенном* Камне!!!

Муск продан за 3150 франков. Конечно, с Парижем вести дела невозможно. Здесь ждут признания России. Шклявер сообщил, что вместо Каменева придет Раковский. Все — в смятении!

Посылаю письма Яруи и Чахемб[улы] [9]. Все твои поручения сделаны — *всюду все в восторге для тебя сделать*.

Танки уже сняты. Текст прочтет Диксон [10], а иностранные слова вызвался просмотреть Пеллио. Посылаю образец размера и бумаги. *Прочат книге успех*. Не вставить ли признательность Пеллио, Диксону и Шкляверу? В Париж пишите мне на отель «Лорд Байрон». Там сохраняют корреспонденцию до приезда.

Плывем бодро и скоро начнем получать ваши милые вести. Целуем!!!!!!

22

[17 октября], пятница

Вот и поплывем опять. Всё, кажется, сделали. Ремизов всё мечтает видеть в Р[оссии]. Они держатся очень трогательно. Видел я Сыропятову. Лучше своей сестры она. Она служила манекеншей. Но теперь ей запретили служить из Америки. Поедет в Нью-Йорк в июне. Про получение денег мне ничего не говорила. Самое скучное зрелище — Шкляверы. В банке дела идут плохо. Журнал Жоржа может прекратиться.

На декабрь уже снял комнату в «Лорд Байрон».

Шibaев прислал «Пути благословения», и вдруг статья «Звезда утра» оказалась совершенно без конца — более восьми страниц выпущено. Телеграфировал ему, требуя исправить, ибо без этого книга комична. А в письме он уверял, что держал три корректуры.

Счастливы те, кому не приходится жить в Париже. Какой рай наш Хиллсайд. Теперь тигры сделались добрее людей. До чего верно все *указанное* нам про здешних русских.

Платье у Рейнбо вышло хорошо. Духи, пудра, корсеты — все есть. Книга Юши выйдет отлично.

Целуем.

23

19 октября, воскресенье

Вот едем в каюте величиной семь шагов на четыре с половиной шага. Диван — мягкий. Кресло — мягкое. По стенам цветные фото с Веласкеса. За обедом — музыка. Света стал очень мирный и понимает, что с «дедушкой» ехать неплохо.

Море опять покойное, и по всем визам и осмотрам пока все изумительно гладко идет. Каждый день чувствуешь, как надо было ехать именно теперь — не позднее. Ибо иначе все *наши* соображения запоздали бы — видимо *всё* ускоряется.

Платье вышло очень хорошее — и всего 500 франков. Напиши в Париж («Лорд Байрон») — не построить ли еще одно? И какого цвета? Вообще всюду, где Масиково имя произносится, — всюду светлая улыбка и желание услужить.

Луис Вамилес сказал: «*Avec vous partout et toujours*»*, — и согласился быть Honorary Adviser**.

За этот год цены на Гогена возросли почти *вдвое*. Для наших это тоже очень показательно. При отъезде пришлось огорчить Жоржа, ибо он припас для конца сообщение о желании издать свою французскую книгу в «Алатасе» и о желании ехать в Америку. И вот, за 10 минут до отхода поезда, пришлось огорчить его. За это время он нисколько не развился.

Если решишь еще заказать платье, то лучше телеграфируй в «Лорд Байрон», чтобы депеша пришла к 16 декабря, а то ведь и письмо не успеет даже в Париж прийти.

«Аквитания» огромного размера, и даже непонятно, кому нужны эти бесконечные салоны и концертные залы — всего для шести дней пути.

В Шербурге получили ряд хороших писем от наших. Отправим это уже по приезде в Нью-Йорк.

24

[20 октября], понедельник

Едем. Свежее, но качает мало. Смотрим народ. Всё изумительно неинтересный. Всё ненужные лица. Читаю журнал — из Р[оссии]. Тоже мало интересно. Да, надо все перестраивать — иначе невозможно. Еще раз соображаешь — какие изумительные люди Порума и Логван и Лихтманы. Ценишь Ремизова. Всё это особенное, непохожее на толпу пассажиров 1-го класса. Не ездят ли во 2-м классе более значительные люди?

Воображаю, как обиделся «маленький» Жорж, когда ему сказали о невозможности издавать в «Алатасе» по-французски и о невозможности его *переезда* в Америку. И все он дотянул до второго звонка, чтобы я не успел отрицать. Но тут пришлось поспешить, иначе он стал бы инсинуировать после.

Фотографии с танок вышли хорошо. Но все-таки многие из них мелки даже для большого формата. Если Пеллио просмотрит иностранные слова, а Диксон и Шклявер — корректуру, то выйдет ладно. Текст предварительно прочтет Диксон — таким путем мы выгадали время пересылки из Америки.

Книги о Монголии заказаны Поволоцкому к моему обратному приезду. Еще о том же писал я Яруе.

* Вместе с вами — везде и всегда (франц.)

** Почетный советник (англ.)

Замечательно у Ремизова описано, как Мать Мира отказалась принять принадлежащее Ей блаженство, чтобы не покинуть несчастных. Клятвенный Камень сначала был красный, а после, расколовшись, почернел и потому пошел черными пятнами. Эти вещи пишет — ничего не зная. Правильно, что его надо принять, *как он есть*.

25

21 октября, вторник

Сегодня море бурнее, но мы, видимо, стали морскими волками. Понемногу выясню себе последовательность действий. Кто бы мог думать, что именно Ремизов окажется полезен для будущих *разговоров*. У него сохранены какие-то добрые отношения со всеми. Руманова надо избегать, ибо его репутация *стала очень плоха*.

Оказывается, что сегодня в объявлении значится «*сильный шторм*» и «*высокая волна*», а мы и не заметили. Но море очень красиво — зеленое с острой мелкой пеной, а вдали темно-серо-лиловое. Вот что значит сделаться морскими волками.

Становится теплее. Ждем wireless (радиограмму) от наших. Читали в ленинградском журнале статью Модзалевского (Юриков товарищ) об Алексее Толстом.

Четверг

Подъезжаем мирно. Море успокоилось. Мой спутник доволен, ибо на пароходе многие *нас* знают. Опять едет певец Шварц с женою. Гриноу (у него я обедал), Ананьев (сослуживец бывший Муромцева). Слышали, что Кошиц поехала на два года в Рио-де-Жанейро.

Странно думать, что придет это письмо за две недели до моего отъезда из Америки. Еду на «France» — 10 декабря. А из Марселя «Katori Maru» — 28 декабря. От 16 до 26 декабря, если нужно что в Париже сделать, телеграфируйте в «Лорд Байрон». И письмо одно еще туда дойдет.

Как замечательно, что Келлог купил «таитянских женщин» — такие знаки, и так всегда к последнему сроку.

Так хочется, чтобы у вас там все было хорошо!

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк.
Автографы

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Джагдиш Чандра Бос (1858-1937), индийский ученый, специалист по физиологии растений.
2. Владимир Анатольевич Шибеев (1898-1975), сотрудник Н.К. Рериха с 1920 г.
3. Александра Дэвид-Ниль (1868-1969), французская путешественница и писательница, побывавшая в Тибете, в Лхасе (1923). Перевод письма с англ. О.В. Альбедилы.
4. Татьяна Денисовна Гребенщикова (1896-1964), жена писателя Г.Д. Гребенщикова.
5. Луис Хорш (1888-1979), президент Музея Н.Рериха в Нью-Йорке.
6. Георгий Гаврилович Шклявер (ум. 1970), юрист, секретарь Общества Рериха во Франции, и его родители, с которыми Рерихи были знакомы еще по Выборгу.
7. Поль Пеллио (1878-1945), выдающийся французский востоковед.
8. В 1924 году в издательстве Гейтнера шла подготовка к печати книги Юрия Рериха, посвященной тибетской живописи (Roerich G. Tibetan Paintings. Paris, 1925; Рерих Юрий. Тибетская живопись. Самара, 2000).
9. Николай Викторович Кордашевский (1877-1945), полковник Русской армии.
10. Владимир Васильевич Диксон (1900-1929), поэт и переводчик.